

М.А. Энгельгардт

ПРОГРЕСС КАК ЭВОЛЮЦИЯ ЛИЦЕМЕРИЯ

Как человечество пыталось насадить добродетель, и что из этого вышло. — Прогресс и искусство лганья. — Две эволюции. — Прогресс возвышенных принципов и низменных инстинктов. — Лицемерие как специфическая особенность европейца. — Иезуитизм и сентиментализм. — Суррогат чувства. — Добродетель без последствий. — Эволюция правды в литературе XIX века. — От сентиментализма к натурализму. — Парикмахерские приемы. — Неполная правда. — Золя и его критики.

Я все говорил об отрицательных сторонах человеческой природы — о жестокости, изуверстве, хищности и пр., — развивавшихся в военный период истории человечества под влиянием таких факторов прогресса, как война, рабство и деспотизм. Но ведь кроме этих факторов и развиваемых ими свойств действовала мораль, более или менее возвышенная, культивировались разнообразнейшие добродетели. Успехи морали — гордость цивилизации. Социологи любят противопоставлять культурного человека, украшенного венком многочисленных добродетелей, бушмену, который на вопрос, что хорошо и что дурно, простодушно ответил фразой: «хорошо, если я украду жену у соседа, дурно, если сосед украдет жену у меня». Икалось, должно быть, этому бушмену; а ведь, говоря по правде, он высказал нашу мораль: — житейскую, обиходную, не ту, которая существует только на прописях и служит лишь для обучения каллиграфии, а ту, которая практикуется в жизни культурным человеком.

Добродетель — вообще опасная вещь, и надо удивляться смелости людей, которые, несмотря на все уроки прошлого, решаются выступать в роли моралистов-проповедников. Сколько уже раз проповедь благочестия привела к триумфу ханжества, проповедь веры — к торжеству изуверства, проповедь любви — к расцвету насилия и т.д. и т.д.!

Если бы историки строго отличали мораль, служащую для обучения каллиграфии, от морали, применяемой в повседневном житейском обиходе, история этического развития народов явилась бы не в таком раскрашенном

виде, как ее малюют Летурно, Друммонды и пр. Пришлось бы, пожалуй, убедиться, что нравственность, благочестие, религиозность и пр. вовсе не развивались в положительную сторону; что прогрессировали совершенно противоположные качества: лицемерие, ханжество, изуверство и тому подобное, исправляющие должность добродетелей, если можно так выразиться. Для каждой добродетели имеется свой спутник — и подлинная история этики была бы историей замещения добродетелей их спутниками, приспособившими житейскую мораль к общему ходу цивилизации.

Но этого мало! Развиваясь в духе жестокости, цивилизация превратила мораль в орудие пытки. Водворение добродетели не только приводило к торжеству ее печальных спутников, но и порождало целые группы, целые системы жестокостей и пыток, ранее неведомых, новых, приобретающихся по мере развития человечества. И, может быть, ни в чем не обнаруживается так ясно сущность цивилизации — постепенная утрата человечности — как в истории морального развития человечества.

В виде примера рассмотрим историю «нравственности» в тесном смысле, — половой нравственности. У первобытных племен нет понятия о греховности или безнравственности половых отношений. Тут сама природа является регулирующим началом. У них нет и ревности (т.е. права собственности на женщину), или точнее не было в наиболее первобытную эпоху. По справедливому замечанию Энгельса, бессилие первобытных людей требовало стадной жизни, а для этого в свою очередь требовалась «взаимная терпимость взрослых самцов, отсутствие ревности» (1, с. 36). И действительно, так называемый «групповой брак» и «полиандрия» — наиболее древние формы брака — исключают ревность. Позднее возникает принцип собственности на женщину; еще позднее — мораль: половая распущенность объявляется грехом, преступлением; целомудрие прославляется как добродетель и вменяется в обязанность. Мы не знаем, к какой эпохе в истории человечества относится возникновение половой морали; у большинства современных племен она торжествует, так как у них развита проституция. Это верный спутник и характерный признак торжества добродетели: у совершенно «безнравственных» племен проституции нет, и появлением этого института отмечают первые успехи морали.

Во всяком случае, история насаждения добродетели на место первобытной распущенности тянется уже не один десяток тысяч лет; чем же она увенчалась?

Не трудно доказать, — если только нужно доказывать это, — что нравственность современного общества не превосходит нравственности первобытных людей. Напомним все-таки главные, сюда относящиеся, факты. Во-первых, для мужской половины человеческого рода добродетель с первых шагов цивилизации оказалась не по плечу. Создалась проституция, создались соответственные учреждения и заведения, признанные государством. Тут, стало быть, о прогрессе морали толковать не приходится: она сразу потерпела фиаско. Действующим, регулирующим, сдерживающим и разрешающим началом является, как и у дикарей, сама природа, более или менее холодный или чувственный темперамент и внешние препятствия, недостаток средств и т.п., а уж никак не веления добродетели. Создались две морали: одна, мораль прописей и немногих чудаков, запрещает; другая, мораль обиходная, мораль массы, разрешает и поощряет. Герой этой морали — возбуждающий

зависть и удивление молодежи, притворное негодование и тайное сочувствие зрелых людей — сердцеед, победитель, обожатель женщин, в грубой ли форме поручика Кувшинникова, который, «поверишь ли, простой бабы не пропускал», к восторгу Ноздревых, или в изящной оболочке Дон Жуана, который... тоже простой бабы не пропускал, к удивлению поэтов. Книжная мораль оставалась в книгах, а масса веками и тысячелетиями культивировала разврат — и с успехом: кто заглянет в специальные сочинения вроде «Psychopathia sexualis» Крафт-Эбинга и сравнит их с описаниями самых распущенных дикарей, тот убедится, что в отношении разнообразия, утонченности и просто невероятной вычурности и противоестественности форм порока культурное общество далеко превосходит любое первобытное племя. Только в культурном обществе все это прodelьвается при закрытых дверях и лишь изредка доводится до общего сведения в скандальных процессах, случайных разоблачениях (вроде разоблачений «Pall Mall Gazette») относительно английской аристократии несколько лет тому назад) и т.п.

Раз для одной половины рода человеческого мораль признана необязательной и порок не только допущен, но и облегчен, — то, понятно, она не может иметь нравственной силы в глазах другой половины. Здесь также регулирующим началом является натура, холодная или страстная, и внешние препятствия: боязнь скандала, боязнь мужа, страх перед общественным мнением, которое, впрочем, казнит отступления от установленных правил, а не нарушение морали. Но так как соблудности приличия не трудно и грешить можно по всем правилам, установленным на этот счет, то Дон Жуаны подвизаются с полным успехом, и увенчанием цивилизации является нравственный уровень общества, изображенного в «Demi-Vierges» и «Pot bouille».

Итак, добродетель не удалось насадить; а удалось насадить и внедрить в человеческую природу извращение добродетели, — поклонение приличиям, отвратительное лицемерие, характерное для культурного человека и заставляющее нас клеймить не порок, а «скандал».

Но я имею в виду не эту сторону предмета (разоблачаемую многими писателями и моралистами), а другую, гармонирующую с общим ходом цивилизации и характерную для него. Тысячелетние попытки насадить добродетель остались безуспешными, — зато какой ряд новых и разнообразных жестокостей, неизвестных первобытным людям, явился результатом этих попыток! Мало-помалу выделяется целый класс женщин-парий, зачумленных и прокаженных, униженных, оплеванных, утративших человеческое достоинство под гнетом общего презрения. Ими гнушаются самые «гуманные» люди, в отпор такому отношению они, со своей стороны, вооружаются наглостью, цинизмом и бесстыдством. И отношение к ним не улучшается с развитием цивилизации, а скорее ухудшается: наибольшим гнетом презрения раздавлены эти жертвы нашей добродетели в тех обществах, где царствуют нравы «Pot bouille». Далее, образуется обширный класс «незаконных» детей, тоже ни в чем не виновных жертв, терпящих оскорбительное отношение, двусмысленное положение, в видах преуспевающего морали. И, наконец, вспомним о бесчисленных трагедиях, о самоубийствах и помешательствах, о младенцах, брошенных, истребляемых, сбываемых на фабрики ангелов, чтобы избежать огласки и позора, о загубленных и разбитых существованиях, о девушках, выходящих за первого попавшегося прохвоста, на муку и горе, чтобы «покрыть грех»...

Есть небольшой, в пять-шесть страничек, рассказ Мопассана, — коротенькая и несложная история девочки, гнусно оскорбленной лакеем. Ее обходят, как прокаженную; чадолюбивые маменьки не подпускают к ней детей, сверстницы отворачиваются от нее на улице, в сквере. Это нестерпимая, каждодневная пытка, обрушивающаяся на ребенка, и без того истерзанного, который не в силах даже ответить злобой и презрением, а может только изнывать в бесконечной тоске, — кончается самоубийством.

Рассказ производит мучительное почти до физической боли и незабываемое впечатление. Написан он просто, беспритязательно, почти «протокольно»; но с тем особенным, тайну великого художника составляющим, искусством, благодаря которому в изображении мелкого и частного случая перед нами обнажаются основные и общие черты человеческой природы. Холодная жестокость, инквизиторское бездушие людей — не извергов, не уродов, не злодеев, не палачей и не инквизиторов, а обыкновенных, «средних» людей, «добрых буржуа», приличных и благонравных, с отлично накрахмаленными душами и воротничками, — выступает перед вами в чистом, не подкрашенном виде, возбуждая чувство глубокого, безнадежного пессимизма. Кто хуже: негодяй, обесчестивший ребенка, или добродетельные люди, которые, «живя согласно со строгою моралью», замучивают раненого и добивают лежащего? На что надеяться, чего ожидать от существ, которые все, даже мораль, даже возвышенные стремления, ухитряются превратить в орудие пытки, в Молоха — пожирателя младенцев?

Заметьте, что в жертву этому Молоху приносятся исключительно невинные, а главное обиженные, истерзанные, оскорбленные женщины, которых безвыходное положение толкнуло на путь порока, обманутые девушки, наконец, дети. Кто ранен — тому бередают и растрavляют рану; кто оскорблен — того оплевывают и осмеивают; кто упал в грязь — того топчут и тискают глубже, — вот служение добродетели в культурном обществе.

Итак, подводя итоги этическому развитию, развитию человечества в сфере половых отношений, мы находим вместо успехов нравственности культ разврата, раздвоение морали на книжную и житейскую, и превращенное в кумир лицемерие, сложную систему приличий, правил, приемов и способов обходить книжную мораль в угоду житейской. А для поддержания этого кумира во всей его славе развилась целая система жестокостей и пыток, которым ежечасно и повсеместно подвергаются обиженные судьбою и ни в чем не повинные.

Зная все это, удивляешься, как поворачивается язык у историков культуры толковать о смягчении и облагораживании нравов. Суррогат «облагораживания», прикрывающий более чем первобытную порочность, не много стоит, а «смягчение» нравов, выражающееся в замучивании слабых, в жестокостях, неведомых грубым дикарям, правильнее назвать озверением.

Итак, рассматривая такую «отрадную» сторону цивилизации, как стремление к целомудрию и чистоте нравов, в принципе возвышенное и благородное, мы приходим к тому же выводу, что и при изучении безотраднейших явлений войны, рабства, казней, пыток и т.п. Успехи цивилизации — успехи бесчеловечности; она вырабатывала и воспитывала палача, у которого даже лучшие побуждения превращались мало-помалу в бездушную жестокость. Кто ясно это сознал, тому трудно быть оптимистом, несмотря на перелом,

совершающийся в последние два столетия, и отмену некоторых грубых форм жестокости, вроде рабства, пыток, казней.

Я выбрал область половой нравственности, потому что в этой именно области всего нагляднее проявляется лицемерие как характерное свойство культурного человека.

Но примеров, подтверждающих и иллюстрирующих это заключение, такая бездна на каждом шагу, что затрудняешься выбором. Европейец всегда действует во имя самых возвышенных и благородных принципов гуманности, культуры, общего блага и т.п. Никакая гнусность не прodelывается просто, из хищности, корыстолюбия, властолюбия, — все прикрывается соображениями высшей морали. Возьмите хоть опустошение земного шара, истребление некультурного человечества, очерченное в предыдущей главе. Никогда европейцы не грабили, не убивали, не разбойничали... От генуэзского проходимца Колумба до американского босняка Стэнли — все эти истребители младенцев и растлители малолетних «несли дикарям блага культуры, свет образованности» и проч. Колумб, например, основатель работорговли в Америке, продавая пленных индейцев испанским купцам, действовал ради «общего блага», и прежде всего ради блага самих индейцев, которые — говорил он — будут обращены в христианскую веру. Сверх того пошлина с работорговли увеличит доходы казны. Патриотизм и христианское милосердие — вот мотивы, руководившие этим хищником.

Лишь изредка, под влиянием критики немногих беспокойных людей, подчеркивающих странный характер «гуманности», грабительствующей и истребляющей, — истинные мотивы европейского культуртрегерства высказываются откровенно, как в цитированном выше заявлении майора Босхарта: «мы, европейские пауки, идем высасывать африканских мух!».

Но такая правдивость — редкое исключение. Вообще же европейское культуртрегерство — акт самоотверженного служения ближнему! «Лучшие сыны Европы, гордость ее просвещения, работают на черном материке под знаменем благороднейшей человечности (der edelsten Humanitat)»*.

Эти поистине бесстыжие слова рисуют во весь рост европейца, как тип, выработавшийся на последней ступени морального развития человечества, — тип тартюфа, враля-художника, враля, обманывающего не только других, но и себя самого.

Крайне рельефно проявилась лживость европейца в отношении к детям. Наше воспитание до сих пор представляет чудовищную систему лганья. Мы набиваем детские головы «истинами», в которые сами не верим, внушаем им мораль, которой сами не следуем, да и не желаем, чтобы они ей следовали. Детская литература, особенно «для младшего возраста», с ее тошнотворными нравоучениями, — тошнотворными именно потому, что и взрослый, и ребенок относятся к ним с одинаковым презрением и насмешкой, — детская литература заслуживала бы специального изучения с этой точки зрения: как исторический документ, иллюстрирующий высшую стадию эволюции лицемерия.

Искусство лганья вообще принадлежит к числу приобретений культуры, наряду со всеми другими искусствами и науками. Уже на стадии гомеровских греков является культ обмана. В числе великих людей греческого пан-

теона Гомер называет Автолика, «славного хитрым притворством и клятвонарушением». Богиня Аоина восхищается лживостью своего любимца, прожженного Улисса:

«Должен быть скрытен и хитер несказанно, кто спорить с тобою
В вымыслах разных захочет; то было бы трудно и богу.
Ты, кознодей, на коварные выдумки дерзкий, не можешь,
Даже и в землю твою возвратясь, оторваться от темной
Лжи и слов двоемысленных, с молода к ним приучившись».

Но все это детски невинно и наивно в сравнении с европейской лживостью. Улисс и Аоина не сомневаются в том, что когда они лгут, то являются лгунами, и что их ложь есть действительно ложь. Только на высшей, европейской стадии развития морали выработалось искусство лицемерия собственно, искусство убеждать самого себя, что моя ложь есть правда. Иезуитизм такое же новое и оригинальное европейское изобретение, как, например, инквизиция. Древняя инквизиция не додумалась ни до чего подобного. Европейец, аплодирующий Стэнли как поборнику «интересов культуры и гуманности», английская мисс, подносящая букет фиалок лорду Китченеру как «апостолу культуры», антисемит, рекомендующий травить евреев за их изуверство, — все они качественно отличаются от наивных древних хитрецов и плутов. Это новый психологический тип, охарактеризованный Грибоедовым:

...Как же о честности высокой говорить,
Каким-то демоном внушаем,
— Глаза в крови, лицо горит,
Сам плачет, а мы все рыдаем...

Плачет искренно, а затем с легким сердцем принимается за плутни, и уж конечно считает себя выше и благороднее того, кто не плутует, но и не плачет по поводу «высокой честности». Герой Грибоедова — элементарный, грубый негодяй, который, казалось, не мог бы обмануть многих, и, тем не менее, он (т.е. его оригинал Толстой-Американец) пользовался популярностью в массе интеллигентного общества, и лишь немногие могли оценить его по достоинству.

Вот эта способность то проливать слезы над возвышенным принципом, которому не следуешь в жизни, а затем спокойно проделывать гадости, и на упрек в негодяйстве отвечать с полной искренностью: «какой же я негодяй, когда я уважаю добродетель?», это иезуитское отделение возвышенного принципа от низменных дел, — есть то новое и оригинальное, что внесла европейская цивилизация в историю морали. Никогда раньше подлость не достигала такого законченного, выработанного состояния, и никогда она не въедалась так глубоко в натуру человеческую, как в Европе. Никогда и нигде не было такой возвышенной морали и такой низменной практики, никогда и нигде преступление не драпировалось так искусно в мантию добродетели.

«Я причинила много несчастий стране, — пишет Изабелла католическая папе по поводу террора инквизиции, — я обезлюдилла города, провинции, но все это я делала и делаю единственно из любви к Христу и Его Св. Матери».

Следовать без удержу побуждениям своей алчности, хищности, сладострастия, жестокости, коварства и не замечать этого, потому что воспитал в себе способность приходить в умиление над отвлеченными принципами бескорыстия, великодушия, целомудрия, гуманности, честности, — вот европейская мораль.

Порой раздражается какая-то оргия лицемерия, как ныне во Франции, по поводу дела Дрейфуса; или несколько лет тому назад в Англии, по поводу Парнелля и г-жи О'Ши. Но и в обычное время любой номер любой газеты даст вам достаточно материала для характеристики культурного человека как прожженного лгуна и фокусника.

Чем же объяснить этот расцвет лицемерия, параллельный развитию культуры? Понять нетрудно. Он был неизбежным последствием разлада между интеллектуальной сферой морали, областью теорий, принципов, отвлеченных учений, и сферой эмоциональной, областью инстинктов, чувств, стремлений. По мере успехов умственного развития преуспевала и отвлеченная мораль. Совершалась эволюция возвышенных принципов.

Но вместе с тем совершалась эволюция низменных чувств. Люди становились грубее, свирепее, хищнее, злее, эгоистичнее, бездушнее, корыстолюбивее.

Теория преуспевала в одном направлении, практика в другом, диаметрально противоположном. Как же могли ужиться рядом эти две противоположные, друг друга исключаящие эволюции? Связующим звеном явилось лицемерие. Надо было воспитать в себе способность уважать отвлеченную мораль, — и не только уважать, а уметь расчувствоваться, точить слезы, так чтобы глаза наливались кровью и лицо горело. Это и удалось вполне тароватой на выдумки и гибкой натуре европейца.